

Я. Б. РУДНЕВА

ЖЕНСКИЕ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ НАЧАЛА XX В.

Ключевые слова: совместное высшее образование; прошение; источник личного происхождения; персональный текст; женское письмо; гендерная идентичность; саморепрезентация.

Аннотация: Становление в начале XX в. совместного высшего образования в России явилось одним из важнейших этапов трансформации гендерно-дифференцированной системы российского высшего образования. Статья посвящена исследованию женских саморепрезентаций в одном из наиболее распространенных документов в делопроизводстве высших учебных заведений — прошении. Новые познавательные возможности гендерного анализа позволяют исследовать атмосферу университетского пространства начала XX в. и место женщин в нем.

В начале XX века гендерно-дифференцированная система российского высшего образования, покоящаяся на безусловном принципе «раздельности учебных заведений женских и мужских»¹, оказалась неспособной противостоять женщинам, претендовавшим на право обучаться в высших учебных заведениях наравне с мужчинами. Десятилетняя история полулегального пребывания женщин в «наших»², по выражению противников совместного обучения, учебных заведениях началась с появления в 1905 г. в российских университетах вольнослушательниц. Некоторым из них удалось не только получить высшее образование в условиях полного отсутствия прав и государственных гарантий, но и привлечь внимание к собственным проблемам, пожалуй, самого консервативного противника совместного высшего образования — официальной власти. В итоге социально вынужденная инициатива самых обычных женщин, которые не принадлежали ни к феминисткам радикального толка, ни к активным участницам других общественно-политических организаций и движений, вызвала коренные изменения системы высшего образования. В истории российской высшей школы этот период, с точ-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 139.

² Там же. Л. 107.

ки зрения «ломки» устойчивых гендерных стереотипов, является не только уникальным, но и беспрецедентным.

Современная историография на сегодняшний день представлена внушительным количеством работ по истории становления и развития российской высшей школы, охватывающим самый широкий круг проблем: эволюцию институциональных форм высшего образования, историю повседневности, гендерную специфику. Однако практически отсутствуют исследования, которые реконструируют адаптацию женщин к «мужской» высшей школе на основе анализа представлений, взглядов, мотивов самих женщин, рефлексии собственного внутреннего состояния и самооощущение. Подобный анализ позволил бы не только проследить эволюцию гендерной идентичности, определить, какова степень свободы личности и социальной регламентированности в этом процессе, но и понять «те образцы маскулинности и феминности, что задаются обществом, а также механизмы их формирования и передачи»³.

Трудность познания рассматриваемой исторической ситуации начала XX века, в которой «жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали»⁴ российские женщины, прежде всего связана с недостатком или отсутствием персональных текстов (писем, дневников, мемуаров, автобиографий), включающих как прямые высказывания личного характера, так и косвенные свидетельства. В поиске необходимой информации для исследования был выбран один из наиболее распространенных документов в делопроизводстве высших учебных заведений — прошение.

Во-первых, в начале XX века в прошениях, используемых в делопроизводстве высших учебных заведений, наряду с соблюдением формальных и обязательных текстовых норм и реквизитов содержания, нередко наблюдались значительные отступления не только от стилистики, но и от структуры типового образца делового документа. Это было вызвано тем, что, с одной стороны, формуляр (схема) прошения имел гибкую структуру: последовательность реквизитов и произвольное пространственное расположение. С другой — свобод-

³ Суприянович А. Г. По страницам «Адама и Евы»: ретроспектива альманаха гендерной истории [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://srednieveka.ru/journal/cat/113>.

⁴ Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань, 2001. С. 345.

ная форма организации текста прошения позволяла адресантам не только обратиться к должностному лицу с конкретной просьбой, но и обосновать собственные мотивы. Кроме того, в тексте могли использоваться элементы автобиографического рассказа, а также свободные рассуждения, фиксирующие точку зрения просителя на какое-то важное общественно-политическое или связанное с ним лично событие. Так, инициатор прошения переставал быть пассивным участником деловой переписки, как того требовали нормы делопроизводственной документации, а становился автором полноценного персонального текста, в котором оказывался «запечатленным индивидуальным опытом и тот или иной уровень его осмысления»⁵.

Во-вторых, для большинства женщин участие в деловой переписке стало своеобразным «путем трансляции в письменную форму самосознания и самоосознания (то есть женской идентичности)»⁶. Не имея возможности «писать себя» в мемуарах, автобиографиях и художественных текстах, женщины использовали эту вынужденную необходимость как способ рефлексировать собственное внутреннее состояние. Как писала одна из просительниц: «да услышат меня и откроют предо мною то, к чему я стремлюсь, чем живу и на что надеюсь...»⁷.

Таким образом, прошения рассматривались как *ego*-документ, включающий «женское письмо» (*l'écriture féminine*), — саморепрезентации по так называемому «женскому типу». Гендерный подход, в рамках которого осуществлялось исследование, позволил с одной стороны открыть новые познавательные возможности при анализе источника, который традиционно относился к делопроизводственной документации, с другой — проследить эволюцию женской идентичности в определенный исторический период, а также исследовать изменение границ университетского пространства начала XX века в связи с появлением в нем женщин.

Аналізу были подвергнуты около пятисот прошений, как индивидуальных, так и коллективных, относящихся к периоду 1905–1908 гг. и отложившихся в фондах Российского государственного

⁵ Там же.

⁶ Пушкарева Н. Л. «Пишите себя!» (гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань, 2001. С. 253.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 240.

исторического архива и Национального архива Республики Татарстан. Большинство из них впервые вводятся в научный оборот. В фонде 733 РГИА отложились прошения, подававшиеся на имя министра народного просвещения, председателя совета министров, императора, императрицы и цесаревича. В фонде 977 НАРТ — прошения, подававшиеся ректору Казанского императорского университета, которые представляют интерес не только с точки зрения региональной специфики рассматриваемой исторической ситуации, но и повседневной истории провинциального университета.

Как правило, прошения о допуске в качестве вольнослушателя или студента к слушанию лекций подавались ректору высшего учебного заведения. В 1905 г., когда вопрос о совместном университетском, а значит, государственном образовании, обеспечивающем перспективу карьерного роста и сословных привилегий, активно обсуждался Советами российских университетов, прессой, видными общественными и политическими деятелями, женщины могли только надеяться на доступ к получению такого образования. На волне общественного подъема, вызванного первой российской революцией, и на фоне самых невероятных слухов «о зачислении в действительные студенты окончивших курс женской гимназии»⁸, возможность стала восприниматься как реальность, а подача прошений от женщин в российские университеты приобрела массовый характер. Самые активные уже осенью 1905 г., не дождавшись законодательного урегулирования вопроса, начали посещать лекции. Другие, получив официальный отказ от администрации высших учебных заведений, подавали прошения (иногда в виде телеграмм) на имя императора, императрицы и цесаревича. Например, в сентябре–октябре 1905 г. на имя Александры Федоровны было подано 9 прошений, десять телеграмм и одна телеграмма на имя наследника цесаревича Алексея⁹.

Особый интерес представлял анализ женских саморепрезентаций в деловой документации с точки зрения их соответствия нормативной модели поведения, заданной культурной традицией. Необходимо отметить, что в рассматриваемой исторической ситуации

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 85.

⁹ Там же. Л. 62.

начала XX века сама вероятность совместного обучения уже выходила за рамки общепринятых норм. Неслучайно, в именных императорских дозволениях относительно женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях совместно с мужчинами, традиционно использовалась фраза «не в пример прочим»¹⁰.

В первую очередь, саморепрезентация женщинами своего «я» выражалась в стремлении обосновать мотивы обучения и выбор профессиональной деятельности. Особенно это характерно для прошений, адресованных членам императорской фамилии и должностным лицам российского правительства, статус которых обязывал мотивировать просьбу серьезными основаниями. В подобных прошениях женщины, претендуя на равный с мужчинами доступ к высшему образованию, чаще всего демонстрировали готовность учиться и работать «на благо родины»¹¹, «на пользу страждущему человечеству»¹², чтобы не дать «повода упрекнуть современную русскую женщину в ее легкомыслии, неразумном и жестоко неблагодарном поведении по отношению к своему дорогому отечеству — России...»¹³.

Однако стремление служить отечеству отражало ценностную ориентацию, характерную для «маскулинности», а потому не вписывалось в нормативную модель женского поведения, сложившуюся на рубеже XIX–XX вв. в результате дискуссий о влиянии высшего образования на женскую эмансипацию. Согласно этой модели, женщина должна была быть образованна, так как от нее зависело воспитание и образование нового поколения граждан, однако научное знание, получение высшего образования не должны быть целью женщины, так как это убило бы в ней «истинную женственность»¹⁴.

Выйти за границы предписанной «истинной женственности» женщины пытались путем презентации собственной исключительности. С одной стороны это выражалось в стремлении представить себя в качестве «пионерок женского университетского образова-

¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 43973. Л. 20.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 45.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 240.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 26.

¹⁴ Кузьмина Е. Ф., Крылов С. А. Высшее женское образование в Сибири в начале XX века // Вопросы образования. № 3. 2006. С. 122.

ния»¹⁵, «сильных, просвещенных работниц жизни, творцов, а не разрушительниц ее...»¹⁶. С другой — в демонстрации собственных «сверх-способностей», заключавшихся в готовности «порвать со своим прошлым»¹⁷, потерять «духовную связь с семьей»¹⁸, «довести свои потребности до минимума и терпеть лишения в настоящем, надеясь на лучшее будущее»¹⁹.

Кроме указанных причин, побудивших женщин активно добиваться права на совместное с мужчинами высшее образование, в прошениях доминировали следующие: необходимость продолжить образование, ввиду «полной неподготовленности и крайнего недостатка знаний»²⁰; желание специализироваться в определенной профессиональной области, продолжив семейную традицию²¹ (в 1906 году 22% вольнослушательниц от общего количества поступивших на медицинский факультет Казанского университета составляли представительницы семей, связанных с медициной); стремление «достичь в будущем, при помощи высшего образования, более определенного и независимого положения»²² и «служить своим трудом подспорьем родителям на старости лет»²³, возможность инвестировать денежные средства в высшее образование²⁴.

Перспектива выбора профессиональной деятельности, которую давало совместное высшее образование, являлась еще одним веским основанием «померяться с мужчиной, исполнять его обязанности и пользоваться равными правами»²⁵, наперекор сложившимся представлениям о социальном предназначении полов. Дело в том, что «продуктивная деятельность для государства и общества»²⁶ ог-

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 125.

¹⁶ Там же. Л. 127.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 33.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 109.

²⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 43973. Л. 26.

²¹ Там же.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 109.

²³ Там же. Л. 224.

²⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44080. Л. 2.

²⁵ Цит. по: *Веретенко В. А.* Женщины в русских университетах (вторая половина XIX — начало XX вв.) Санкт-Петербург, 2004. С. 13.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 195.

раничивались для российских женщин в начале XX века в основном педагогикой, которая не соответствовала «ни наклонностям, ни способностям» большинства из них²⁷.

В одном из прошений, которое можно классифицировать как свободное размышление (эссе) о деятельности по призванию и по принуждению, просительница отмечала, что есть педагоги «по натуре», обладающие особым «педагогическим складом психики и инстинктами» и «педагоги-ремесленники», работающие по необходимости, не получающие удовлетворения от своей деятельности, а потому «растрачивающие собственные силы впустую». В силу того, что «женщинам нет больше выхода, как вести сложное дело учительства», автор пришла к заключению, что большинство из них относятся к «педагогам-ремесленникам», от наплыва которых страдает «самое педагогическое дело»²⁸.

В начале XX века в группе интеллигентных профессий на особом месте, как для мужчин, так и для женщин, стояла врачебная деятельность. Но подготовку дипломированных женщин-врачей осуществлял единственный Медицинский женский институт, принятый в 1904 году на государственный бюджет. В 1905 году «из 1400 прошений, поданных в Женский Медицинский институт, более 1200 получили отказ за неимением вакансий»²⁹. На медицинских отделениях Высших женских курсов, несмотря на то, что выпускницы не допускались в испытательные комиссии и не имели права на получение диплома³⁰, также наблюдалось «несоответствие между приливом желающих поступить и недостатком мест»³¹.

Женщины устремились в российские университеты в надежде на медицинское образование, гарантировавшее не только независимое положение в будущем, но и возможность получения стипендии:

«Будучи земской стипендиаткой, я уже четыре года пытаюсь поступить в Петербургский женский медицинский ин-

²⁷ Там же. Л. 130.

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 79.

³⁰ В 1912 г. это право подтвердил специальный закон, согласно которому выпускницы Высших женских курсов получили право держать экзамен в государственных испытательных комиссиях для получения диплома о высшем образовании.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 33.

ститут, но мои усилия остаются тщетными. По условию стипендии, я должна быть слушательницей только медицинского факультета, потеряв возможность и в нынешнем году поступить в институт, или в университет, на медицинский факультет, я лишаюсь стипендии (которая числится за мною уже пять лет) и возможности поступить на какой-либо другой факультет, так как не имею средств...»³².

Университеты оказались не в состоянии принять всех желающих вольнослушателей и вольнослушательниц, так как имевшиеся вакансии были уже заполнены действительными студентами, которые из-за популярности медицинского факультета торговали местами между собой, вывешивая «объявления об обмене места за разную сумму и даже за 500 р.»³³. Анализ прошений, фиксировавший не только мотивы, но и намерения, позволил оценить масштабы востребования медицинского образования среди российских женщин. Так, в Казанском университете осенью 1906 года из 127 просительниц 53 заявили о своем желании обучаться на медицинском факультете. В создавшейся ситуации ректор вынужден был рекомендовать девушкам, не прошедшим по конкурсу на этот факультет, начать обучение на естественном отделении физико-математического факультета. В соответствии «с постановлением Совета профессоров медицинского факультета»³⁴ в следующем учебном году им гарантировалось зачисление на первый курс вне конкурса.

Осенью 1907 г. в связи с отсутствием свободных вакансий на медицинском факультете Казанского университета и переполненностью первого курса естественного отделения было принято решение зачислять вольнослушательниц сразу на второй³⁵ с последующим переводом. Но эта мера лишь отчасти решила проблему. В итоге были составлены списки кандидаток физико-математического факультета, временно распределенных на юридический и историко-филологический факультеты³⁶. Одна из претенденток, не прошедшая

³² НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44718. Л. 4.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 95. Л. 156.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 365. Л. 117.

³⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44386. Л. 10.

³⁶ Там же. Ед. хр. 44707. Л. 7.

по конкурсу на первый курс естественного отделения физико-математического факультета, в течение одного дня была вынуждена трижды переписать прошение: сначала о зачислении на юридический факультет, затем на историко-филологический и, наконец, на второй курс физико-математического³⁷.

В Томском университете желавших поступить на медицинский факультет зачисляли на юридический:

«означенная категория вольнослушательниц лишь номинально числилась юристками, а на самом деле занималась изучением медицины. Некоторые из них ухитрялись даже слушать лекции и участвовать в практических занятиях на медицинском факультете. Почти все они вставали в подобное положение крипто-медичек и вместе с тем псевдо-юристок лишь в надежде на переход в настоящие медички, когда явится к тому возможность»³⁸.

Интересно, что в прошениях, которые подавались непосредственно ректору Казанского императорского университета, ссылки на желание непременно «служить отечеству» практически отсутствуют. Объясняется это тем, что, во-первых, обращение к ректору являлось необходимым условием для поступления в университет, тогда как к членам императорской фамилии и министрам обращались по личной инициативе, связанной с конкретной ситуацией. Во-вторых, ректор воспринимался как должностное лицо, более достигаемое и доступное для общения.

Ракия Кутлубаева, «казанская татарка медичка II курса Санкт-Петербургского Женского Медицинского института», подавала прошения в июне 1905 г. министру народного просвещения и в сентябре 1906 г. ректору Казанского университета с просьбой о переводе на медицинский факультет Казанского университета. В первом случае Р. Кутлубаева писала:

«я, будучи студенткой Казанского университета, и, занимаясь в местных клиниках, могла бы, как единоверка и посредница между больными татарками и врачами принести громадную неоценимую пользу в деле лечения, и тем самым приучить мусульманок обращаться к врачебной помощи, к которой в данной время они обращаются в крайне редких исключительно тяжелых обстоятельствах»³⁹.

³⁷ Там же. Ед. хр. 44692. Л. 2–4.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 130.

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 101.

И уже обратившись непосредственно к ректору университета:

«Главные причины, вследствие которых я принуждена покинуть Петербург и продолжить свое образование в Казани, следующие: во-первых, я местная уроженка-татарка; во-вторых, мой муж врач и живет в Казани; имею маленького ребенка, которому, конечно, необходимо присутствие матери; наконец, не имею и средств, чтобы жить в Петербурге отдельно от семьи»⁴⁰.

Итак, в прошении министру народного просвещения Р. Кутлубаева сделала акцент на возможность использования ее способностей на благо общества и государства, к ректору — на сугубо личных обстоятельствах.

Особое внимание, с точки зрения соответствия заданному культурной традицией стереотипу поведения, заслуживает стилистика женских прошений. Использование большого количества эмоциональных оценок, сравнений, гипербол, а также переключение на не связанную с ситуацией тематику вызвано попыткой женщин сократить личностную дистанцию между собой и должностным лицом. Более того, имперское сознание большинства российских женщин покоилось на образе Николая II как «ВЕЛИКОГО ОТЦА ЗЕМЛИ РУССКОЙ», для которого «не существует детей, судьба которых не была бы близка его любвеобильному сердцу»⁴¹. И этот образ сознательно проецировался на других представителей власти. Например, в одном из прошений на имя министра народного просвещения А. Н. Шварца, указывалось:

«Теперь я приехала за несколько тысяч верст к Вам, Ваше Превосходительство, просить помощи и совета как к родному отцу: “Что я должна сделать”»⁴².

Очевидно просительницы воспринимали ректора или же министра не как должностное лицо, а как носителя более привычной нормативной модели, чаще всего, отца, которому можно было рассказать о том, насколько сильно «хочется поступить» в университет, какое это имеет «громадное значение для всей последующей жизни»⁴³, и как страшно остаться в этой жизни «за бортом». И в том, и в

⁴⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44100. Л. 11.

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 208.

⁴² Там же. Л. 241.

⁴³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44085. Л. 12.

другом случае женщины имели дело с мужчиной, наделенным определенными властными полномочиями, но вторая модель общения в рамках интимного поля «отец-дочь» являлась для них более привычной, соответствовавшей устоявшимся стереотипам поведения.

Так, в деловом документе женщины старались репрезентировать себя с точки зрения социально одобряемых намерений, имеющих и предполагаемых навыков, наконец, соответствия определенной нормативной модели поведения. Проблема заключалась лишь в том, что сам факт присутствия женщин в «мужской» высшей школе в качестве вольнослушательниц выходил не только за пределы этой модели, но и за границы существующего законодательства.

Нормативные утверждения, регулирующие правовой статус женщин в высших учебных заведениях, также являлись предметом специальной рефлексии в женских прошениях. Так, в сентябре 1905 года, в период активного обсуждения Советами российских университетов не только возможности, но и необходимости совместного высшего образования как условия восстановления справедливости «по отношению к русской женщине, доказавшей уже стократ свою способность к восприятию научных истин и к приложению этих истин на удовлетворение народных нужд»⁴⁴, ощущение значительности происходящих событий и собственной значимости давало просительницам уверенность в положительном и скорейшем решении вопроса.

Этим объясняется наличие в содержании прошений «аргументированных» оснований для зачисления женщин в высшие учебные заведения: «ходатайство гг. профессоров и постановление общестуденческой сходки»⁴⁵; не приспособленная «к назревающим потребностям жизни» система российского высшего образования; изживший себя университетский устав, «всеми осужденный и требующий скорого и коренного исключения»⁴⁶. Аргументы в защиту права на высшее образование подкреплялись критикой существующей системы и уверенностью в том, что если закон осужден общественностью, то он потерял юридическую силу. Наконец, женщины настаивали на своем зачислении в высшие учебные заведения исключительно на правах «действительных студентов».

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 56.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44034. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 43982. Л. 8.

В октябре 1905 года ситуация изменилась: решение вопроса о правовом статусе женщин откладывалось на неопределенный срок. Требование в прошениях уступило место компромиссу:

«если окажется невозможным зачислить меня действительной студенткой, прошу дать мне возможность слушать лекции на юридическом факультете вольнослушательницей...»⁴⁷; «в прошении, посланном мною, кажется, вкралась ошибка. Там написано: “прошу зачислить меня действительной студенткой”. Действительными студентками женщины, кажется, быть не могут, а потому прошу Вас зачислить меня вольнослушательницей по тому же факультету»⁴⁸.

Как отмечал ректор Санкт-Петербургского университета И. И. Боргман, несмотря на отсутствие законодательных норм, регулирующих правовое положение женщин в совместной высшей школе: «никаких возражений по поводу допущения женщин в университет ни со стороны попечителя, ни со стороны министра народного просвещения сделано не было». Более того, «дочь министра народного просвещения, графиня Д. И. Толстая, подала прошение о зачислении ее вольнослушательницей. Точно также, в следующем году, письменно заявила желание быть вольнослушательницей дочь Председателя Совета министра, Петра Аркадьевича Столыпина. Фактически однако допущение женщин в университет осенью 1905 г. не состоялось в виду последовавшего закрытия университета»⁴⁹.

Осенью 1906 года, с возобновлением занятий, в университетских аудиториях появились и вольнослушательницы, которые в прошениях на имя ректора или попечителя учебным округом неоднократно отмечали атмосферу напряженности и неразберихи, царившую в университетской среде в этот период. И дело было не только в появлении нового, непривычного для университетской корпорации, контингента слушателей. Университеты находились в атмосфере жесткого противостояния с властью, в связи с попытками урезать провозглашенную в 1905 году частичную университетскую автономию. «Женский вопрос» оказался одной из составляющих конфликта. Как указал в докладной записке попечителю учебного округа ректор Казанского университета Н. П. Загоскин:

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 43982. Л. 8.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 44377. Л. 12.

⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 165.

«Не может, конечно, подлежать никакому сомнению, что прием в университеты вольнослушательниц начался и продолжался на почве факта, а не права, если не принимать в расчет быть может слишком распространенного толкования закона 27 августа 1905 года (Высочайший указ о временных правилах по управлению университетами — Я.Р.)»⁵⁰.

О двусмысленности собственного правового положения свидетельствовали и женщины, которым «иногда напоминали со стороны учебной администрации», что они допущены к учебным занятиям в университете «только по снисхождению», что формально они «не имеют права учиться в университете»⁵¹. Как отмечала одна из вольнослушательниц Юрьевского университета,

«при поступлении было трижды заявлено, что “прав Вы не получите и их не будет”, но я хотела только знаний и мне с радостью все возразили: “Да, знания мы Вам дадим”, и открыли двери»⁵².

Несмотря на отсутствие законодательно закрепленных прав, «смелые, вдохновленные и исполненные оптимизма в момент вступления в университет» женщины «глубоко верили в гарантии самого государства», которое «сумеет защитить» их и гарантирует «свободное пребывание в университете, до момента окончания»⁵³.

Университетская корпорация отнеслась к появлению вольнослушательниц в целом благожелательно, давая не только «беспристрастную справедливую оценку» их трудолюбию⁵⁴, но и саму «возможность показать, что и женщина может учиться»⁵⁵. Профессура, несмотря на запреты со стороны министерства народного просвещения и администрации университетов, проводила проверочные испытания вольнослушательниц «частным образом», подтверждая, что «подготовка, с которой большинство из них явилось в университет, сравнительно выше подготовки среднего студента»⁵⁶. Советы университетов не отказывали в приеме и тем женщи-

⁵⁰ Там же. Л. 67.

⁵¹ Там же. Л. 195.

⁵² Там же. Л. 158.

⁵³ Там же. Л. 125.

⁵⁴ Там же. Л. 127.

⁵⁵ Там же. Л. 126.

⁵⁶ Там же. Л. 127.

нам, чье образование не соответствовало вступительным требованиям, разрешая в течение года сдавать «латынь за 8 классов мужских гимназий» или «экзамен на аттестат зрелости».

К сожалению, в прошениях не фиксировались ситуации, характеризующие отношения между вольнослушательницами и студентами, кроме факта замужества⁵⁷. Но есть свидетельства о жесткой конкурентной борьбе за места на факультетах между самими женщинами, которые не только точно знали, когда и сколько освободилось мест⁵⁸, но и имели необходимые сведения о предполагаемых претендентках.

«Вместо меня была принята одна из вольнослушательниц естественного факультета Порфирьева, — в третий раз обращаясь к ректору Казанского университета, писала М. Г. Войдинова, — которая не подавала прошение на медицинский факультет в августе 1906 года и аттестат которой со средним выводом 4, т.е. меньше, чем средний вывод моего аттестата. Я ничего не имею против того, чтобы Порфирьева была слушательницей медицинского факультета, но я хочу, чтобы и со мной поступили справедливо, что вполне естественно, так как где же еще искать справедливости, как не в университете»⁵⁹.

Подаявая очередное прошение, женщины отстаивали право на обучение в университете не только на основании соответствия формальным требованиям. Понятие «справедливости» включало также возможность нарушения этих правил за счет признания исключительности личных обстоятельств просительницы:

«Надеюсь, что Совет профессоров войдет в мое положение и отдаст мне предпочтение перед другими, даже в случае, если в моем аттестате будет на 0,2 средний вывод меньше, чем у других. Как люди, господа профессора должны понять, что 4,1 экстерном окончившей гимназии, да еще такой, которая в то же время должна была работать в аптеке, чтобы заработать на жизнь, должна цениться выше 5 окончившей гимназию при нормальных условиях»⁶⁰.

⁵⁷ НАРТ. Ф.977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44031. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 44145. Л. 6.

⁵⁹ Там же. Ед. хр. 44013. Л. 9.

⁶⁰ Там же. Ед. хр. 44264. Л. 4.

Ситуация в отношении вольнослушательниц коренным образом изменилась 16 мая 1908 г., когда за подписью министра народного просвещения А. Н. Шварца, был издан циркуляр, по которому среди прочих мер, направленных на сокращение автономии, из высшей школы полностью изгонялись обучавшиеся в течение двух лет женщины.

«Придя в университет вместе с автономией, они должны были покинуть его, когда автономия превратилась практически в ничто»⁶¹.

Летом и осенью 1908 года прошения, в том числе коллективные или за подписью «уполномоченных вольнослушательниц»⁶², в основном подавались на имя министра народного просвещения, который, как полагали многие, нес персональную ответственность за появление циркуляра. Наряду с пассивной констатацией существующего положения, допускающей, «что можно быть против обучения женщин в университете»⁶³, наиболее употребляемыми в женских прошениях становятся выражения «страшное отчаяние», «крайне безвыходное положение», «разбитые надежды и стремления»⁶⁴, передающие состояние человека, выброшенного «за борт» или «стоящего на краю пропасти»⁶⁵. Действительно, пребывание в университетах стоило женщинам больших материальных и моральных затрат и теперь «циркуляром» вольнослушательницы выбрасывались «из городов, в которых они прожили в течение двух лет, кое-как запасшись грошовыми уроками и не имея, может быть, даже средств на дорогу в другой город»⁶⁶.

Надеясь отыскать веские основания, дающие возможность продолжить образование, и убедительные доводы для тех, кто мог предоставить такую возможность, девушки взывали «к высшей справедливости и гуманности, которые сильнее всякого закона»⁶⁷, уповали на снисхождение монарха, способного устранить «проти-

⁶¹ Верменко В. А. Указ. соч. С. 13.

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 124.

⁶³ Там же. Л. 125.

⁶⁴ Там же. Л. 127.

⁶⁵ Там же. Л. 240.

⁶⁶ Там же. Л. 125.

⁶⁷ Там же. Л. 125.

воречие между формальными нормами закона с одной стороны и с требованием справедливости по существу дела с другой стороны»⁶⁸, наконец, предлагали вполне конкретные варианты урегулирования ситуации с точки зрения вероятного прецедента. Например, «я была принята должностным лицом, ректором университета, действия которого не были опротестованы своевременно высшей властью», «я была принята до издания циркуляра, воспрещающего зачислять в вольнослушательницы женщин», «обладаю тем образовательным цензом, который требуется от лиц мужского пола для зачисления в действительные студенты университета», «я удовлетворяю статье 116 (516) университетского устава»⁶⁹. Акцентировалось внимание и на том, что действия Советов университетов, «неправильно толковавших закон об автономии»⁷⁰, и фактическое бездействие министерства народного просвещения сделали женщин «без вины виноватыми»⁷¹:

«Мы не виновны в том, что взгляд министерства народного просвещения изменился за два года, точно также как и в том, что профессора, принимая нас в университет, не подумали о закреплении нашего пребывания в нем законом»⁷².

Отчасти под нажимом самих вольнослушательниц, отчасти под давлением общественного мнения, 29 октября 1908 года Высочайшим повелением им было разрешено окончить курс образования наравне с посторонними слушателями. Однако к тому времени большинство вольнослушательниц уже покинули университеты, уверенные в том, что «вследствие циркуляра от министра народного просвещения пребывание в университете не имеет решительно никакого смысла»⁷³, кроме того, они по-прежнему не могли пользоваться «никакими правами по образованию и были «лишены возможности держать переходные экзамены»⁷⁴.

⁶⁸ Там же. Л. 195.

⁶⁹ Там же. Л. 130, 139, 189.

⁷⁰ Там же. Л. 199.

⁷¹ Там же. Л. 210.

⁷² Там же. Л. 126.

⁷³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44419. Л. 8.

⁷⁴ Там же. Ед. хр. 44477. Л. 5.

Структура прошения вольнослушателя включала реквизит, который обязывал просителя обозначать приобретенный социальный статус. Речь идет о реквизите «адресант» или «шапка» прошения, который для посторонних слушателей-мужчин требовал указания «определенного общественного положения и занятия», что являлось необходимым условием для зачисления в университет. Однако, как свидетельствовал в рапорте по расследованию о вольнослушательницах Санкт-Петербургского университета член Совета министерства народного просвещения Н. Г. Дебольский:

«Закон указывает для вольнослушателей, как единственное условие их приема, «определенное общественное положение или занятие», не выясняя, однако, в точности истинного смысла этого условия. Как можно предполагать, намерение законодателя состояло, в данном случае, в том, чтобы вольнослушателем мог быть не всякий желающий, но только такое лицо, которое по кругу своих занятий нуждается в пополнении своего образования, не имея возможности или права сделаться студентом. Неясность этого закона привела к тому, что и университеты и управление министерства народного просвещения затрудняются в его единообразном применении»⁷⁵.

В 1905–1907 гг. прошения, ввиду неопределенности правового статуса и формальных требований к приему женщин в университет, неоднократно переписывались. Характерно, что переписывалась и «шапка», это свидетельствовало о колебаниях женщин по вопросу, какой статус окажет решающее воздействие при их зачислении в университет: образование, семейное положение, сословная принадлежность. Женщинам приходилось самостоятельно решать эту проблему, так как Советами университетов «вопрос об их общественном положении, вообще говоря, и не поднимался»⁷⁶.

Интересно, что просительницы незнатного происхождения из крестьян или мещан южных и юго-западных губерний Российской империи, наряду с имевшимся образованием, практически всегда указывали собственную сословную принадлежность, а уроженки восточных губернских центров, например Казани или Екатеринбург, предпочитали ссылаться только на образование. Работавшие женщины, как и посторонние слушатели-мужчины, обозначали род профессиональной деятельности: «учительница Мензе-

⁷⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 324.

⁷⁶ Там же. Л. 324.

линской женской гимназии»⁷⁷; «зубной врач»⁷⁸; «аптекарский помощник»⁷⁹; «женщина чиновник II разряда Казанской центральной телеграфной конторы»⁸⁰.

По-прежнему собственное социальное положение большинством женщин определялось в соответствии со статусом отца или мужа. Незамужние девицы, как правило, обозначали сословную принадлежность или род занятий отца: «дочь умершего доктора медицины»⁸¹; «купецкая дочь»⁸²; «дочь капитана»⁸³; «дочь общественного раввина»⁸⁴. Отмечен единственный случай, когда просительница указала «общественное» положение матери: «дочь девицы Корочневой»⁸⁵. Обязательно фиксировалось замужество или вдовство с указанием рода деятельности мужа, особенно женщинами возрастной группы от 25 до 45 лет. Если девушка недавно окончила образовательное учреждение и вышла замуж, отмечалось сразу несколько приобретенных статусов, например, «окончившая восемь классов Пензенской гимназии, жена студента Казанского университета»⁸⁶. Характерно, что положение «дочери» или «жены» акцентировалось в прошениях и во время обучения в университете.

Анализ «шапки» прошений одной из вольнослушательниц Казанского университета позволил проследить, как она определяла собственный статус в период обучения с 1907 по 1909 год. 18 июля 1907 года Владимирова Екатерина Андреевна, как «дочь статского советника», «желая изучать естественные науки и не имея возможности вследствие домашних обстоятельств выехать в Петербург для продолжения занятий на курсах П. Ф. Лесгафта»⁸⁷, подала на имя ректора Казанского университета свое первое прошение о зачислении на естественное отделение физико-математического факультета. Прошение не было удовлетворено, так как осенью 1907

⁷⁷ НАРТ. Ф.977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44349. Л. 4.

⁷⁸ Там же. Ед. хр. 44362. Л. 3.

⁷⁹ Там же. Ед. хр. 44400. Л. 3.

⁸⁰ Там же. Ед. хр. 44183. Л. 1.

⁸¹ Там же. Ед. хр. 44522. Л. 4.

⁸² Там же. Ед. хр. 44523. Л. 3.

⁸³ Там же. Ед. хр. 44397. Л. 3.

⁸⁴ Там же. Ед. хр. 44378. Л. 2.

⁸⁵ Там же. Ед. хр. 44801. Л. 1.

⁸⁶ Там же. Ед. хр. 44531. Л. 3.

⁸⁷ Там же. Ед. хр. 44340. Л. 5.

года на это отделение был конкурс и свободные вакансии отсутствовали. Стремясь любыми путями попасть в университет, 13 сентября 1907 года Владимирова подала прошение о зачислении на историко-филологический факультет, не пользовавшийся особой популярностью, но имевший вакансии. Статус в «шапке» остался прежним⁸⁸. 19 сентября 1907 года, узнав о наличии освободившихся мест на физико-математическом факультете, Владимирова снова переписала прошение, но уже от имени «бывшей слушательницы III курса профессора Лесгафта»⁸⁹.

В декабре 1907 г. как полноправная «вольнослушательница III семестра физико-математического факультета (естественное отделение) Екатерина Андреевна Владимирова»⁹⁰ подала прошение о временной выдаче подлинника метрического свидетельства в связи с предстоящим замужеством. В ноябре 1908 г., несмотря на Высочайшее повеление, легитимировавшее пребывание женщин в высших учебных заведениях, она в «шапке» очередного прошения обозначила только семейное положение как «жена студента»⁹¹, демонстративно пренебрегая правилами оформления документа. Очевидно, что ей в этот период положение замужней женщины казалось более устойчивым и надежным, чем вольнослушательницы. Этот вывод косвенно подтверждается тем, что в январе 1909 г. снова было подано прошение, но уже соответствующей формы от имени «вольнослушательницы Катерины Андреевны Пинкевич»⁹². Заслуживает внимание и тот факт, что после замужества Владимирова поменяла полную форму написания имени, выбрав вариант, используемый в просторечье.

В данном случае один из реквизитов прошения зафиксировал не только эволюцию идентичности от «дочери» через «вольнослушательницу» к «жене» и снова к «вольнослушательнице», но и свидетельство осознанного выбора женщиной определенного социального статуса в зависимости от конкретных обстоятельств.

Безусловно, такой внутренний служебный документ как прошение, предназначенный для доведения до сведения должностного лица информации узкой направленности в небольшом объеме, и по

⁸⁸ Там же. Л. 4.

⁸⁹ Там же. Л. 3.

⁹⁰ Там же. Л. 6.

⁹¹ Там же. Л. 7.

⁹² Там же. Л. 9.

форме, и по содержанию предоставлял женщинам ограниченные возможности для самовыражения. Кроме того, рассматриваемая ситуация с «характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий»⁹³ диктовала необходимость репрезентировать себя с точки зрения готовности выполнять предписания общества и следовать социально одобряемым нормам поведения.

В то же время предметом специальной рефлексии в женских прошениях являлись не только причины, побудившие их добиваться права на совместное с мужчинами высшее образование и мотивы выбора профессиональной деятельности, но и нормативные утверждения, регулирующие правовое положение женщин, а также способы адаптации в условиях «мужской» высшей школы. При этом стилистическими и содержательными особенностями прошений являлись грамотная и аргументированная письменная речь, изложение деталей собственной биографии и эмоциональность.

Автобиографичность женских прошений в данном случае может рассматриваться как одна из форм саморепрезентации, дававшая возможность подчеркнуть собственную исключительность, а эмоциональность как способ воздействия на должностное лицо, позволявшая добиться желаемого результата. В итоге общение переводилось в привычное для взаимоотношений мужчины и женщины интимное пространство, более гибкое по сравнению с официальным, что позволяло вызвать ответную положительную реакцию со стороны предполагаемого собеседника в виде уважения, понимания, наконец, сочувствия.

Таким образом, анализ текста женских прошений, связанных с появлением вольнослушательниц в российских высших учебных заведениях в начале XX века, позволил понять, как женщины воспринимали окружающую их действительность, проследить, какие стратегии и тактики ими использовались в стремлении достичь цели, наконец, получить информацию об университетской повседневной жизни от непосредственных участниц событий.

Руднева Яна Борисовна
кандидат исторических наук, доцент
Набережночелнинский торгово-технологический институт
Тел.: 7 (8552) 58–70–79, E-mail: ya.rudneva@rambler.ru

⁹³ Ретина Л. П. Указ. соч. С. 346.